

Научная статья
УДК 343.131
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.9

Original article

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия,
iliadikarev@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University,
Volgograd, Russia

О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОДНОСТОРОННИХ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ON THE ADVERSARIAL NATURE OF EX PARTE PROCEEDINGS IN CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. Проблематика состязательности основательно изучена в доктрине уголовно-процессуального права. Критерии, которым должна соответствовать судебная процедура, чтобы рассматриваться в качестве состязательной, хорошо известны: независимый и беспристрастный суд, равноправные стороны. Однако под такие критерии не подходят односторонние судебные процедуры, в которых лицу, обратившемуся в суд с определенным требованием, не противостоят другая сторона. Цель: на основе анализа уголовно-процессуальных правоотношений разрешить вопрос, соответствуют ли принципу состязательности односторонние судебные процедуры. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. На основе системного подхода уголовный процесс рассматривается как единое целое, в основе которого лежат правоотношения. Структурно-логический анализ позволил выделить ряд производств, отличающихся структурой правоотношений. Методом сравнения проведено сопоставление особенностей правоотношений, лежащих в основе судебного разбирательства, односторонних судебных производств и предварительного расследования. Логико-юридический метод позволил показать существенные различия структурно сходных правоотношений, характерных для предварительного расследования и односторонних судебных производств, обосновать состязательную природу последних. Результаты: сделан вывод, что односторонние судебные процедуры являются состязательными, поскольку для них характерно уголовно-процессуальное правоотношение подсудности, в котором заявителю, обратившемуся с тем или иным требованием, «оппонирует» независимый и беспристрастный суд. Относительный характер данного правоотношения, а также объем полномочий суда, обладающего компетенцией разрешить соответствующее юридическое дело, отличают процессуальную конструкцию односторонних судебных процедур от предварительного расследования, не являющегося по своей процессуальной организации состязательным.

Abstract. The adversarial principle has been thoroughly examined in the doctrine of criminal procedure law. The criteria that a judicial procedure must meet to be considered adversarial are well-established: an independent and impartial court, and equality of arms. However, ex parte proceedings, where the party petitioning the court faces no opposing party, do not fit these criteria. Purpose: to analyze criminal procedural relations to determine whether ex parte proceedings are consistent with the adversarial principle. The methodological framework of this study is grounded in the dialectical method. Using a systemic approach, criminal proceedings were viewed as a cohesive whole built upon legal relations. Structural and logical analysis enabled the categorization of various proceedings based on the configuration of these relations. The comparative method was employed to contrast the specific features of legal relations underlying full judicial trials, ex parte proceedings, and preliminary investigations. Finally, the formal-legal method allowed for demonstrating the essential differences between structurally similar relations in preliminary investigations and ex parte proceedings, while substantiating the adversarial nature of the latter. Results: the study concludes that ex parte proceedings are adversarial in nature, as they are characterized by a criminal procedural relationship of jurisdiction, wherein the applicant filing a petition is “opposed” by an independent and impartial court. The relative nature of this legal relationship, along with the scope of the court’s authority to resolve the respective legal case, distinguishes the procedural structure of ex parte proceedings from a preliminary investigation, which is not adversarial in its procedural organization.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03252, <https://rscf.ru/project/25-28-03252/>.

Ключевые слова: состязательность, равноправие сторон, особое производство, исполнение приговора, подсудность, судебный контроль

Для цитирования: Дикарев И.С. О состязательности односторонних судебных производств в уголовном процессе / И.С. Дикарев. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 73–81.

Financing. The study was funded by grant No. 25-28-03252 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-03252/>.

Keywords: adversarial principle, equality of arms, special proceedings, execution of sentence, jurisdiction, judicial review

For citation: Dikarev I.S. On the Adversarial Nature of Ex Parte Proceedings in Criminal Procedure. The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2026, no. 3, pp. 73–81. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.9.

ВВЕДЕНИЕ

Статус состязательности и равноправия сторон как принципа уголовного процесса сегодня, кажется, никем не оспаривается. Предельно понятны и требования, которым должна соответствовать та или иная процедура, чтобы считаться состязательной. Так, говоря о необходимости построения уголовного процесса «на началах подлинной состязательности», авторы Концепции судебной реформы в РСФСР имели в виду разделение и персонализацию функций обвинения, защиты и разрешения дела, равноправие сторон обвинения и защиты, «предоставление им... равных возможностей по воздействию на окончательное решение суда»¹. Именно эти критерии были заложены законодателем в нормативной формуле рассматриваемого принципа, изложенной в ст. 15 УПК РФ. На ее основе четко проступают контуры организации судопроизводства, обладающего структурой, которую схематично можно представить следующим образом (см. рис. 1).

Рис. 1. Организация судопроизводства

Данная схема представляет собой модель, приложение которой к тому или иному процессуальному производству позволяет оце-

нить его с точки зрения соответствия принципу состязательности и равноправия сторон.

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ

Изложенная в законе нормативная формула принципа состязательности сторон безусловно применима только к разбирательству по уголовному делу в судах первой и апелляционной инстанции. Такой вывод следует из буквального толкования ст. 15 УПК РФ, в которой говорится о функциях обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Некоторые ученые еще более конкретизируют содержание принципа состязательности сторон, отмечая, что предметом спора должно быть непременно обвинение лица в совершении преступления [1, с. 44].

Конечно, законодатель вполне сознательно изложил принцип состязательности сторон так, чтобы ни у кого не вызывало сомнений распространение его действия именно на судебное разбирательство, ведь этот этап составляет сердцевину уголовного судопроизводства, а значит, требует абсолютной определенности в вопросе его процессуальной организации. Однако обратной стороной подобной регламентации стали сомнения некоторых ученых относительно того, распространяется ли принцип состязательности сторон на другие судебные производства, в которых нет ни обвинения в совершении преступления, ни функций уголовного преследования и защиты. Речь идет о производствах, в рамках которых осуществляется

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М. : Республика, 1992. С. 85.

судебный контроль в досудебном производстве, разрешаются вопросы, связанные с исполнением приговора и реабилитацией.

В литературе перечисленные производства часто именуют особыми [2, с. 70; 3; 4]. По нашему мнению, уместнее употреблять термин «периферийные». Во-первых, он более информативный и удачно подходит для обозначения производств хоть и связанных с уголовным делом, но реализующихся за его «рамками» (параллельно или по его завершении) и направленных на решение вопросов, которые в уголовном процессе не могут считаться основными. Во-вторых, главным плюсом использования этого термина является возможность избежать смешения производств, которые сейчас именуются особыми, с порядком судопроизводства, предусмотренным гл. 40 и 40.1 УПК РФ.

К некоторым из периферийных производств нормативная формула состязательности сторон, изложенная в ст. 15 УПК РФ, вполне применима. Например, стороны обвинения и защиты могут участвовать в рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Но если, например, с жалобой на действия следователя в порядке ст. 125 УПК РФ обращается потерпевший, то в положении спорящих оказываются представители одной стороны – обвинения. Если же говорить о судебно-исполнительных производствах, то там сторон обвинения и защиты нет в принципе. Это дает основание специалистам, занимающимся вопросами исполнения приговора, говорить о специфике или даже ставить под сомнение действие принципа состязательности сторон при разрешении судом вопросов, указанных в гл. 47 УПК РФ.

Так, например, В.И. Качалов отмечает специфическое действие идей состязательности в процессе реализации различных видов исполнения итоговых судебных решений. По его мнению, этот принцип действует на стадии исполнения приговора «в значительно трансформированном виде»: функции обвинения и защиты преобразуются в функции правозащитного характера различной направленности, а процессуальное равенство сторон отсутствует [5, с. 20, 84–85].

В.В. Николук и Л.А. Пупышева вообще отрицают действие принципа состязательности в судебно-исполнительных производствах, обосновывая свою позицию полным отсутствием в них атрибутов состязательности (нет сторон обвинения и защиты, соответственно, отпадает вопрос об их равноправии; отсутствует предмет судебного спора в виде уголовного обвинения) [6, с. 171].

Такая позиция представляется излишне категоричной. Думается, формулу принципа состязательности сторон следует толковать не буквально, а расширительно: любая судебная процедура, в рамках которой равноправные стороны спорят перед независимым судом по тому или иному предмету (вовсе не обязательно по поводу обвинения), вполне укладывается в состязательную конструкцию судопроизводства. Как уже было сказано, нормативная формула принципа, изложенная в ст. 15 УПК РФ, намеренно ориентирована законодателем на стадию судебного разбирательства, однако это не исключает необходимости ее расширительного толкования.

В периферийных производствах предмет спора, с одной стороны, как правило, не связан с обвинением, что исключает именование сторон обвинением и защитой, а с другой – может иметь так много вариаций, что для обозначения процессуальных функций спорящих сторон приходилось бы каждый раз отыскивать новые названия. Но независимо от того, какие требования подлежат разрешению в рамках той или иной процедуры, между сторонами сохраняется спор, а значит, и процессуальное противоборство (в противном случае требование их равноправия утрачивает всякий смысл). В связи с этим модель состязательного судопроизводства следует излагать без конкретизации процессуальной функции сторон (см. рис. 2).

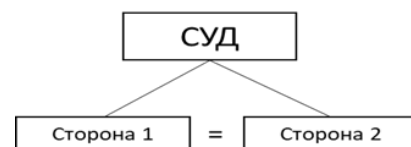

Рис. 2. Модель состязательного судопроизводства

Использование такой модели для обозначения состязательной организации судебных

процедур снимает вопросы по поводу соответствия судебно-контрольных и судебно-исполнительных производств, в которых участвуют спорящие между собой стороны, принципу состязательности и равноправия сторон.

ПРОБЛЕМА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОДНОСТОРОННИХ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Действительно представляет серьезную теоретическую проблему вопрос о том, действует ли принцип состязательности в односторонних судебных производствах, когда имеется заявитель, но нет второй стороны. В качестве примера можно привести судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия. Согласно ч. 3 ст. 165 УПК РФ в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о производстве следственного действия вправе присутствовать только следователь или дознаватель, заявившие данное ходатайство, и прокурор. Сторона защиты даже не извещается о проведении судебного заседания. Имеются примеры односторонних судебно-исполнительных производств. В частности, ходатайство о снятии судимости рассматривается при обязательном участии только самого осужденного, тогда как участие прокурора носит факультативный характер (ст. 400 УПК РФ).

В цивилистическом процессе односторонний характер носит особое производство, в котором устанавливаются факты или некоторые обстоятельства, влияющие на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав. В связи с отсутствием в делах особого производства сторон одни ученые-процессуалисты приходят к выводу, что принцип состязательности проявляется там не в полной мере [7, с. 64], а другие полностью отрицают его наличие [8, с. 337]. Встречается также точка зрения, согласно которой элемент состязательности привносится в дела особого производства участием прокурора [9, с. 184], однако данная позиция выглядит неубедительной. В односторонних судебных производствах, как уголовно-процессуальных, так и цивилистических, прокурор не выступает в качестве стороны спора. В гражданском процессуальном законодательстве этот момент

оттеняется даже в терминологии: прокурор, вступающий в процесс для дачи заключения, относится не к сторонам, а к лицам, участвующим в деле.

Односторонний характер могут приобретать и судебно-контрольные процедуры, предназначенные для проверки правосудности вступивших в законную силу судебных решений. В судах кассационной и надзорной инстанции предмет судебного разбирательства составляет проверка законности вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда. Здесь а priori нет процессуальных функций уголовного преследования и защиты, поскольку обвинительный тезис был разрешен на предыдущих стадиях уголовного процесса судами первой или апелляционной инстанции. Конечно, сторона защиты на всех этапах судопроизводства направляет свои усилия к тому, чтобы добиться признания обвиняемого невиновным или смягчения наказания, но в судах кассационной и надзорной инстанции этот интерес может быть удовлетворен только в рамках спора о законности обжалуемого решения. Для прокурора же функциональный интерес всегда определяется исключительно оценкой законности судебного акта. Прокурор добивается пересмотра незаконного судебного акта или отстаивает необходимость сохранения законной силы обжалованного другой стороной правосудного приговора без какой-либо заинтересованности в исходе дела. Никакого продолжения линии государственного обвинения в кассационном и надзорном производстве нет [10, с. 30–31]. Соответственно, противоборство сторон здесь носит ситуационный характер: если сторона защиты настаивает на пересмотре приговора, который прокурором оценивается как законный, спор возникнет. Но если участники уголовного процесса единодушно оценивают приговор как незаконный, то в вышестоящем суде они выступают на одной «стороне». В последнем случае мы снова сталкиваемся с односторонним производством, модель которого не укладывается в общепринятую схему состязательного правосудия: в этой модели нет противоборствующих сторон, так что отпадают основания именовать субъекта, обращающегося к суду

с тем или иным требованием, стороной. Уместнее назвать его заявителем (см. рис. 3).

Рис. 3. Модель одностороннего производства

Наверное, было бы проще всего завершить исследование данного вопроса выводом, что несоответствие процессуальной организации той или иной процедуры модели состязательности, предусматривающей наличие суда и двух противоборствующих и равноправных сторон, свидетельствует о том, что в односторонних судебных производствах рассматриваемый принцип уголовного процесса не реализуется. Но такое заключение прямо противоречит положению ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, недвусмысленно указывающему на распространение состязательности и равноправия сторон на все судопроизводство, то есть на все судебные процедуры разрешения юридических дел, реализуемые в рамках как основных, так и периферийных производств как в судах первой и апелляционной инстанции, так и в производствах, назначение которых состоит в проверке правосудности вступивших в законную силу судебных актов.

Такая ситуация требует изменения исследовательской задачи, актуализируя необходимость поиска иных индикаторов состязательности судопроизводства, не включающих в свое содержание в качестве обязательного признака наличие в процессе двух противоборствующих сторон.

Сложность доказывания этой гипотезы обусловлена лексическим значением слова «состязаться», которое в русском языке устойчиво ассоциируется с соревновательностью, стремлением превзойти кого-либо², вследствие чего состязание представляется невыполнимым в отсутствие соперника.

Однако в отличие от спорта или иных областей общественной жизни, где победа определяется превосходством над соперником, в юридической практике и в отсутствие про-

цессуального оппонента получение искомого результата в том или ином юридическом деле, как правило, рассматривается как «победа». Например, такой «победой» для следователя будет вынесение судьей постановления о разрешении производства следственного действия в порядке ст. 165 УПК РФ, а отказ в производстве следственного действия – «поражением». То же самое можно сказать о вынесении судом постановления о снятии судимости: даже в отсутствие процессуальных оппонентов в судебном заседании для лица, отбывшего наказание, такой результат является юридической победой.

Состязательность данным судебным производствам придает то обстоятельство, что обращение субъекта в суд с тем или иным требованием предполагает доказывание наличия предусмотренных законом оснований для его удовлетворения, а решение суда зависит от того, справится с этой задачей заявитель или нет. Видимо, именно это имеет в виду В.В. Аргунов, когда пишет, что в делах особого производства на первое место по значимости выступает «сотрудничество заявителя и суда... вплоть до того, что суд вместо "независимого арбитра" становится на место "ответчика", достигая тем самым максимума в выяснении материальной правды» [11, с. 9]. Конечно, приведенную цитату нельзя понимать буквально (не случайно автор взял слово «ответчик» в кавычки), но принципиально верно то, что суд в односторонних производствах не только не выступает на стороне заявителя, но и может вынести решение, прямо противоречащее отстаиваемому субъектом интересу. В этом смысле суд, не будучи непосредственным оппонентом заявителю (поскольку он не имеет в деле своего интереса), тем не менее противостоит субъекту, вынужденному доказывать перед ним свою правоту и обоснованность требования. Таким образом, в модели односторонних судебных процедур проступают важные черты принципа состязательности – независимость и беспристрастность суда, отделение его процессуальной функции от функции заявителя. «Принцип состязательности, – пишет Ю.А. Ляхов, – означает, прежде всего, такое построение уголовного судопроизводства, при котором суд... является самостоятельным, независимым от каких-либо лиц и органов...» [12, с. 57].

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АЗЪ, 1995. С. 740.

Таким образом, состязательный характер односторонних судебных производств не может оцениваться путем приложения к нему общей модели состязательной организации, характерной для процедур с участием двух спорящих сторон. Требование равноправия сторон, обеспечивающее справедливость судебных процедур, в которых сталкиваются интересы противоборствующих сторон, также применительно к односторонним процедурам теряет всякий смысл.

В этой связи нуждается в ревизии доктринальная позиция, согласно которой состязательность и равноправие сторон являются единым принципом процесса [13, с. 97]. Применительно к процессуальной организации односторонних судебных производств, где стороне, заявляющей то или иное требование, противостоит независимый и беспристрастный суд, следует говорить о принципе состязательности. Равноправие же сторон как принцип процесса приложимо только к той модели судопроизводства, где в судебном состязании участвуют две стороны.

ПРАВООТНОШЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Допущение, что состязательной может быть процедура, в которой взаимодействуют только субъект, отстаивающий определенный процессуальный интерес, и орган, ведущий уголовный процесс, ставит вопрос о том, не является ли в таком случае состязательным и предварительное расследование, где основное правоотношение складывается между органом расследования и стороной защиты. Схематично модели таких правоотношений выглядят схоже (см. рис. 4).

Рис. 4. Модели одностороннего производства и предварительного расследования

Такая постановка вопроса вполне допустима, если учесть высказываемое в юридической литературе мнение, что следователя нельзя относить к какой-либо стороне судопроизводства.

В частности, С.А. Соловьев в подтверждение такой позиции ссылается на наличие у следователя полномочия принимать окончательное решение по существу уголовно-правового спора и на этом основании делает вывод о реализации следователем функции разрешения уголовного дела [14, с. 113].

Аргументировать отсутствие состязательности и равноправия сторон в досудебном производстве можно с разных позиций. Однако в контексте проводимого исследования традиционные аргументы неприемлемы ввиду того, что предварительное расследование сопоставляется не с судебным разбирательством, характеризующимся наличием и независимого суда, и двух равноправных сторон спора, а с односторонними судебными процедурами. Единственным вариантом решения данной проблемы видится анализ характера правоотношений, складывающихся между властным субъектом судопроизводства и единственной стороной.

Любое процессуальное обращение, подлежащее рассмотрению в рамках одностороннего производства, направляется заявителем в суд с целью добиться разрешения того или иного юридического дела (например, разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права личности). В соответствии с принятой в теории права классификацией правоотношение, возникающее в случае принятия судом такого процессуального обращения к рассмотрению, является относительным, поскольку его субъектный состав конкретно определен: обязанной стороной выступает суд, который должен разрешить предъявленное требование, а управомоченной – заявитель.

С точки зрения определения правильного субъектного состава рассматриваемого правоотношения решающую роль приобретают признаки подсудности, выступая необходимыми элементами порождающего это правоотношение юридического (фактического) состава. При определении подсудности подлежит учету также компетенция суда, выражающаяся в наличии у него полномочий рассматривать определенный круг дел. Сопоставление признаков дела с компетенцией конкретного судебного органа, собственно говоря, и позволяет правильно определить подсудность уголовного дела.

В теории процессуального права не выработано единого подхода к пониманию подсудности. Ее рассматривают и как «признаки уголовного дела, определяющие его принадлежность к ведению конкретного суда» [15, с. 8], и как «компетенцию суда применительно к разрешению конкретного дела» [16, с. 4], и как правовой институт [17, с. 12–13]. Однако если принять во внимание, что правила, относящиеся к подсудности, имеют своим единственным назначением определение субъектного состава рассматриваемого правоотношения, то можно сделать вывод, что подсудность и является этим правоотношением. При таком подходе все разрозненные точки зрения относительно сущности подсудности укладываются в единую концепцию: признаки дела составляют часть юридического (фактического) состава, порождающего правоотношение, а компетенция суда выступает его предпосылкой.

Именно наличие правовой связи, в рамках которой заявитель и суд оказываются «по разные стороны» правоотношения, приобретая при этом корреспондирующие права и обязанности, связанные с разрешением предъявленного требования, и придает односторонним судебным производствам состязательный характер. Суд в такой системе никак не может оказаться на стороне заявителя: в правоотношении подсудности он ему «оппонирует», что обеспечивает объективность и беспристрастность суда при разрешении соответствующего юридического дела.

Принципиально иная ситуация складывается в ходе предварительного расследования. Следователь возбуждает и расследует уголовное дело не потому, что кто-то из участников процесса обратился к нему с определенным требованием, нуждающимся в разрешении. В юридической литературе принято говорить, что он действует в данном случае по долгу службы, *ex officio*. Это означает, что свои процессуальные обязанности следователь реализует в рамках не относительных, то есть корреспондирующих праву обратившегося к нему лица, а общерегулятивных правоотношений. В таких правоотношениях, именуемых также статусными, следователь действует как субъект, обязанный по отношению к государству, возлагающему на долж-

ностное лицо органа расследования такие обязанности ради удовлетворения социально значимого интереса [18, с. 366–367].

Соответственно, и правоотношения, складывающиеся между следователем и участниками уголовного процесса, включая тех, кто заинтересован в быстром, полном и всестороннем расследовании дела (например, потерпевшим), приобретают совершенно иной характер, не имеющий ничего общего с правоотношениями между судом и заявителем в односторонних судебных производствах. Как правило, следователь сам инициирует возникновение правоотношений с участниками расследования, вынося постановления о привлечении в качестве обвиняемого, признании потерпевшим и др., с которыми закон связывает приобретение процессуального статуса лицами, вовлекаемыми в расследование. Другими словами, известное латинское правило *nemo iudex sine actore* («нет судьи без истца»), имманентно присущее любому судебному производству, к предварительному расследованию неприменимо. Следователь возбуждает и расследует уголовное дело не потому, что к нему обращается за разрешением определенного требования какая-то сторона, а потому, что этого требует от него служебный долг, обязанность, которую следователь несет перед государством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение организации предварительного расследования с односторонними судебными процедурами показывает, что ключевым отличием последних является наличие правоотношения подсудности. Такое правоотношение возникает только в связи с предъявлением лицом определенного требования, адресуемого властному субъекту (суду), что порождает у него обязанность разрешить данное требование. Занимая в этом правоотношении положение стороны, суд дистанцируется от заявителя, которому принадлежит корреспондирующее право на разрешение предъявленного им требования, что обеспечивает объективность и беспристрастность судебной деятельности.

Следователь, как было сказано выше, сам инициирует предварительное расследование,

возбуждая и расследуя уголовное дело *ex officio*. При этом он не обладает полномочием разрешить уголовное дело. О наличии такой функции говорить можно лишь тогда, когда у властного субъекта имеются полномочия вынести решение по существу юридического вопроса, являющегося предметом рассмотрения. Так, суд в ходе разбирательства может не только прекратить производство по уголовному делу, но и вынести обвинительный приговор. Избирая меру пресечения по ходатайству органа расследования, суд вправе как отказать в удовлетворении ходатайства, так и удовлетворить его. Следовательно, прекращая производство по делу, уголовно-правовой спор не

разрешает. Предварительное расследование является лишь досудебной подготовкой стороны обвинения к судебному разбирательству, в ходе которой накапливается доказательственный материал, на основании этого материала в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель будет добиваться привлечения виновного к уголовной ответственности [19, с. 84]. Прекращая производство по уголовному делу, следователь лишь прекращает такую подготовку вследствие обнаружения предусмотренных в законе оснований, указывающих на безосновательность или бесперспективность дальнейшего уголовного преследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зажицкий В.И. Состязательность в уголовном процессе / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2014. – № 8. – С. 39–50.
2. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова ; под ред. М.С. Свиридова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. – 300 с.
3. Татьяна Л.Г. Виды особых производств в уголовном процессе России / Л.Г. Татьяна // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2016. – Т. 26, вып. 2. – С. 123–126.
4. Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.А. Пупышева. – Омск, 2022. – 458 с.
5. Качалов В.И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : монография / В.И. Качалов. – Москва : Юстиция, 2017. – 298 с.
6. Пупышева Л.А. Судебно-исполнительные производства (глава 47 УПК РФ) и принцип состязательности в уголовном процессе / Л.А. Пупышева, В.В. Николюк // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича : сборник материалов научной конференции (Москва, 24–25 октября 2019 г.). – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. – С. 166–171.
7. Никитенко А.В. К вопросу становления особого производства как самостоятельного гражданского производства в суде / А.В. Никитенко // Особое производство в цивилистическом процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л.В. Войтович. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 64–69.

REFERENCES

1. Zazhitsky V.I. Controversy in the Criminal Process. *State and Law*, 2014, no. 8, pp. 39–50. (In Russian).
2. Yakimovich Yu.K., Lensky A.V., Trubnikova T.V.; Sviridov M.S. (ed.). *Differentiation of Criminal Procedure*. Tomsk University Publ., 2001. 300 p.
3. Tatyana L.G. Types of Special Productions in Criminal Trial of Russia. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2016, vol. 26, iss. 2, pp. 123–126. (In Russian).
4. Pupysheva L.A. Proceedings for the Consideration and Resolution of Issues Related to the Execution of a Sentence in the Criminal Procedure System. *Cand. Diss.* Omsk, 2022. 458 p.
5. Kachalov V.I. *Criminal Procedure Regulation of the Execution of Final Court Decisions in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, Yustitsiya Publ., 2017. 298 p.
6. Pupysheva L.A., Nikolyuk V.V. Judicial Enforcement Proceedings (Chapter 47 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and the Adversarial Principle in Criminal Proceedings. *The nature of Russian Criminal Proceedings and the Adversarial Principle: On the 125th Anniversary of the birth of M.S. Strogovich. Proceedings of the Scientific Conference (Moscow, October 24–25, 2019)*. Lomonosov Moscow State University Publ., 2020, pp. 166–171. (In Russian).
7. Nikitenko A.V. On the Issue of Establishing Special Proceedings as Independent Civil Proceedings in Court. In Voytovich L.V. (ed.). *Special Proceedings in Civilistic Process: Problems of Doctrine, Legislation, and Practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, North-West Branch of the Russian State University of Justice, June 23, 2022)*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2022, pp. 64–69. (In Russian).

8. Демченко С.С. Сущность суда в особом производстве в России и зарубежных странах / С.С. Демченко // Особое производство в гражданском процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л.В. Войтович. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 329–337.

9. Горелик А.М. Целесообразность участия прокурора в особых производствах гражданского и арбитражного процессов / А.М. Горелик // Особое производство в гражданском процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л.В. Войтович. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 183–187.

10. Дикарев И.С. Уголовно-процессуальная функция прокурора в судах кассационной и надзорной инстанций / И.С. Дикарев // Уголовное судопроизводство. – 2022. – № 2. – С. 28–32.

11. Аргунов В.В. Общие положения особого производства / В.В. Аргунов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 7. – С. 8–13.

12. Ляхов Ю.А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности / Ю.А. Ляхов // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 57–59.

13. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в системе принципов национального права: общеправовой и межотраслевой аспекты : монография / Т.Ю. Вилкова. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2018. – 192 с.

14. Соловьев С.А. Институциональная и процессуально-правовая недопустимость отнесения следователя к стороне в уголовном судопроизводстве России / С.А. Соловьев // Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 108–116.

15. Порцева О.Б. Подсудность уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.Б. Порцева. – Ижевск, 2004. – 23 с.

16. Некрасов С.В. Судебные стадии и особое производство в российском уголовном процессе / С.В. Некрасов. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 176 с.

17. Бехало С.В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / С.В. Бехало. – Москва, 2024. – 246 с.

18. Дикарев И.С. Правоотношения в уголовном процессе: дискуссионные вопросы структуры и содержания / И.С. Дикарев, М.Л. Давыдова // Правоведение. – 2024. – № 68 (3). – С. 360–372.

19. Дикарев И.С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 75–88.

8. Demchenko S.S. The Essence of the Court in Special Proceedings in Russia and Foreign Countries. In Voytovich L.V. (ed.). Special Proceedings in Civil Procedure: Problems of Doctrine, Legislation and Practice. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, North-West branch of the Russian State University of Justice, June 23, 2022)*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2022, pp. 329–337. (In Russian).

9. Gorelik A.M. Expediency of the Prosecutor's Participation in Special Proceedings of Civil and Arbitration Procedure. In Voytovich L.V. (ed.). Special Proceedings in Civil Procedure: Problems of Doctrine, Legislation, and Practice. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, North-West Branch of the Russian State University of Justice, June 23, 2022)*. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2022, pp. 183–187. (In Russian).

10. Dikarev I.S. The Prosecutor's Criminal Procedure Function in the Cassation and Supervisory Court. *Criminal Judicial Proceeding*, 2022, no. 2, pp. 28–32. (In Russian).

11. Argunov V.V. General Provisions of Special Production. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2011, no. 7, pp. 8–13. (In Russian).

12. Lyakhov Yu.A. The Constitutional Principle of the Adversarial System of Criminal Justice and Individual Rights. *Russian Justice*, 2014, no. 3, pp. 57–59. (In Russian).

13. Vilkova T.Yu. Principles of Criminal Proceedings in the System of Principles of National Law: General Legal and Interdisciplinary Aspects. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2018. 192 p.

14. Soloviev S.A. Institutional and Procedural Law Inadmissibility of Classifying an Investigator as a Party in Criminal Proceedings in Russia. *State and Law*, 2025, no. 4, pp. 108–116. (In Russian).

15. Portseva O.B. Jurisdiction of Criminal Cases. *Cand. Diss. Thesis*. Izhevsk, 2004. 23 p.

16. Nekrasov S.V. Trial Stages and Special Proceedings in Russian Criminal Procedure. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 176 p.

17. Bekhalo S.V. Jurisdiction in Russian Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2024. 246 p.

18. Dikarev I.S., Davydova M.L. Legal Relations in Criminal Proceedings: Controversial Issues of Structure and Content. *Pravovedenie*, 2024, no. 68 (3), pp. 360–372. (In Russian).

19. Dikarev I.S. Designation of Preliminary Investigation in Criminal Proceedings. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 75–88. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, доцент, директор Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 07.07.2026; принята к публикации 07.07.2026. The article was submitted 24.06.2026; approved after reviewing 07.07.2026; accepted for publication 07.07.2026.